

Если подсчитать, Тан Фань и этот человек не виделись около пяти-шести лет, что, впрочем, нисколько не помешало всколыхнуться вороху воспоминаний, стоило лишь увидеть знакомое лицо.

Человек этот, должно быть, уже знал, что прибывшим будет Тан Фань, а потому не выглядел таким же изумленным, как тот. Лишь глядел на него с легкой улыбкой.

У Фань Юэчжэна (магистрат префектуры Цзиань) был острый глаз, он сразу приметил странный взгляд Тан Фаня, устремленный на магистрата округа Лулин, и испытующе улыбнулся:

— Господин и магистрат Цзи – старые знакомые?

Тан Фань слабо улыбнулся:

— Больше, чем просто знакомые. Мы с Цзымином* дружили прежде. Однако после того, как он покинул столицу, мы потеряли связь. Не ожидал, что земля настолько круглая и судьба сведет нас за тысячи ли. Не так ли, Цзымин?

Услышав, что тот обратился к нему по имени, Цзи Минь сделал шаг вперед и вежливо сложил руки:

— Этот скромный чиновник округа Лулин приветствует господина Тана.

Тан Фань с упреком подхватил его под руки, не давая поклониться:

— Зачем же так официально?

Цзи Минь улыбнулся:

— Личные отношения – это личные отношения. Личное не отменяет публичного. Прошу господина не останавливать меня.

Хоть он и говорил так, в тоне его не было ни следа отчужденности. Видя, что тот не собирается отдаляться и делать вид, что они не знакомы, Тан Фань вздохнул спокойно и позволил тому почтительно поклониться.

Воссоединившись, старые друзья хотели бы о многом поговорить, однако момент был неподходящий, и пришлось отложить все на потом. Тан Фань бросил на Цзи Миня виноватый взгляд.

Тот, казалось, прочитал его мысли и слабо кивнул с нисколько не изменившейся за эти годы улыбкой в уголках глаз.

С Фань Юэчжэном поприветствовать Тан Фаня пришло очень много людей. В основном это были чиновники префектуры Цзиань и местные знатные мужи. По сравнению с ними магистрат округа Лулин был слишком незначительной фигурой.

В толпе этой фигура Шэнь Кунью не виднелась. Что было абсолютно нормально. У сюэтая

третьего ранга не было причин приходить сюда, чтобы заискивать перед Тан Фанем, хоть тот и был окружен ореолом императорского посланника. Впрочем, если бы Шэнь Куньюсю пришел, никто бы ему и слова не сказал, однако человек с таким характером, как у него, совершенно точно не стал бы так поступать.

Представив Тан Фаню некоторых важных лиц, Фань Юэчжэн вдруг указал ему на некого юношу:

— Это молодой господин из семьи господина сюэтая.

Что?

Сын Шэнь Куньюсю?

Тан Фань не ослышался?

Пока он приходил в себя, юноша вежливо его поприветствовал:

— Скромный невежда Шэнь Си приветствует господина Тана.

Одежда многое говорит о человеке. Взять, к примеру, Суй Чжоу. Что цвет, что фасон, что материал носимой им одежды вызвали ощущение дотошности и строгости, что не могло не соответствовать его поведению.

На голове молодого господина Шэня, стоявшего перед Тан Фанем, красовалась темно-красная шапка Тан** с инкрустированным в нее огромным куском зеленого нефрита в золоте. Облачен он был в пурпурное шелковое платье с широкими рукавами и золотой вышивкой с нефритовыми кольцами по бокам. Даже пояс его украшал разноцветный узор из облаков – от такого сияния и ослепнуть недолго.

Просто... смотреть невозможно.

Неужели Шэнь Куньюсю не смог прийти сам и поэтому послал вместо себя своего сына?

Но что за безвкусица? Что у него со стилем?

Шэнь Куньюсю был достойным инспектором образования третьего ранга. И вкусы у него должны были быть примерно как у элегантных ученых того времени. Как мог сын, которого он воспитал, выглядеть столь экстравагантно?

Тан Фань обладал поистине великолепным самообладанием, так что быстро пришел в себя. Вернув лицу обычное выражение, он улыбнулся в ответ:

— Молодой господин Шэнь, не стоит. Как сюэтай Шэнь?

Шэнь Си расхохотался, легкомысленно бросив:

— Не очень. Постоянно выходит из себя, из-за чего оставаться дома стало совершенно невыносимо и я сбежал!

Обескураженный, Тан Фань взял себя в руки и улыбнулся:

— Завтра я лично навещу сюэтая Шэня. Не мог бы молодой господин Шэнь предупредить его по возвращении?

Шэнь Си рассеянно кивнул. Возможно, он его даже не слушал.

Из их разговора Тан Фань понял, что Шэнь Си явился сюда без ведома Шэнь Куньсю.

Шэнь Куньсю был ужасно вспыльчив, да и обвинение в доведении до самоубийства с него еще не сняли – разве мог он отправить сына встретить императорского посланника? Даже если бы Шэнь Куньсю и решил выказать Тан Фаню уважение и отправить к нему навстречу своего сына, он бы ни за что не прислал столь необыкновенного персонажа.

Тан Фань впервые в жизни не знал, как себя вести. Магистрат Фань, казалось, заметил его смущение и поспешил разрешить ситуацию:

— Господин Тан, этот скромный чиновник накрыл для Вас приветственный стол, чтобы Вы смогли отдохнуть с дороги. Прошу, уважьте!

На этот раз Тан Фань не стал отказываться, как делал это в других случаях, а с улыбкой кивнул:

— Тогда я побеспокою магистрата Фаня.

Заметив благодарность на его лице, Фань Юэчжэн расплылся в радостной улыбке:

— Господин, прошу.

Не обращая внимания на толпу приветствующих, они добрались до ресторана, где оставили большую часть знати во внешнем зале. Чести есть за одним столом с Тан Фанем удосужились всего несколько человек.

Озаренный светом благосклонности Тан Фаня, Цзи Минь, магистрат округа Лулин, тоже получил место среди них.

Кроме него, там присутствовали магистрат префектуры Цзиань Фань Юэчжэн, его заместитель Сунь Юй, сын Шэнь Куньсю Шэнь Си, торговец солью Сюй Бинь и торговец тканями Фан Хуэйсюэ.

А также Тан Фань с Лу Линси.

В данном случае ранги играли огромную роль.

Лу Линси, хоть и был приближенным Тан Фаня, официального положения не имел и не мог сидеть подле Тан Фаня, а потому занимал место возле Цзи Миня.

Тан Фань, разумеется, сидел на самом почетном месте. Слева от него разместился магистрат Фань Юэчжэн, а справа, вместо заместителя магистрата Сунь Юя, располагалось место торговца тканями Фан Хуэйсюэ.

Торговец солью Сюй Бинь, кажется, был не особо этим доволен, но промолчал.

Из-за этого Фан Хуэйсюэ вызвал у Тан Фаня легкое любопытство.

Торговец, удостоившийся чести сидеть за одним столом с чиновниками, да еще и подле Тан Фаня, определенно не был заурядным человеком.

От магистрата Фань Юэчжэна Тан Фань узнал, что торговец солью Сюй Бинь был дружен с одним чиновником из Нанкина, а дочь торговца тканями Фан Хуэйсюэ была замужем за прежде овдовевшим главным посланником провинции.

Про Сюй Биня все было понятно. Фан Хуэйсюэ было чуть больше сорока, он носил длинные редкие усы и бороду и вид имел элегантный – больше походил на ученого, чем на торговца. Он мог бы произвести приятное впечатление, если не тот факт, что его дочери не могло быть больше двадцати. Вспомнив о том, сколько лет главному посланнику провинции Цзянси, Тан Фань молча покачал головой.

Заметив, что Тан Фаня эти двое, казалось, не особо впечатлили, магистрат Фань решил, что тот, как и прочие чиновники, с презрением относится к торговцам, и поспешил представить их получше:

— Господин не знает, но брата Фана здесь называют также Великий Благодетель Фан. Он разбогател благодаря торговле, а еще совершил много добра для местных жителей. Брат Фан внес огромный вклад в постройку мостов, мощение дорог и помощь пострадавшим от стихийных бедствий. Старейшина Кабинета Пэн по возвращении в свой родной город на пенсию узнал о праведных делах брата Фана и своей рукой написал для него четыре слова: “Спаситель страждущих, заступник нуждающихся”. Свиток тот до сих пор висит в главном зале семьи Фан!

“Вот оно что”, – подумал Тан Фань.

Пэн Ши был старейшиной Кабинета при трех императорах и мог похвастать высоким авторитетом и безукоризненной карьерой. Родом он был как раз из округа Лулин провинции Цзянси. Хотя он и скончался несколько лет назад, местные жители до сих пор очень почитали его, так что неудивительно, почему Фан Хуэйсюэ так поднялся после того, как получил каллиграфическую надпись от Пэн Ши. Теперь же, став опорой главного посланника местной провинции, он пользовался даже большим уважением, чем заместитель магистрата префектуры.

Тан Фань слабо улыбнулся:

— Лишь исключительный человек мог получить признание мудрейшего господина Пэна. Позже обязательно загляну, чтобы полюбоваться на его каллиграфию. Надеюсь, Великий Благодетель Фан не выставит этого чиновника за дверь!

— Господин магистрат преувеличивает, – затараторил Фан Хуэйсюэ. – Его слова слишком лестны для этого ничтожного. Если господин озарит дом этого ничтожного своим присутствием, это будет честью для меня!

Пока все болтали, магистрат Фань велел подавать на стол.

— Этот скромный чиновник знает, что господин здесь для расследования дела об императорском экзамене. Я бы не посмел беспокоить господина с дороги, так что приготовил покои на почтовой станции, где господин может остановиться. Если после сегодняшнего дня у господина останутся какие-то вопросы, просто пошлите за мной – этот скромный чиновник обязательно нанесет Вам визит.

— Стол ломится от яств, не будем о делах, – махнул рукой Тан Фань. – Давайте веселиться, дела подождут до завтра.

Только и мечтавший, чтобы тот не поднимал рабочих вопросов, магистрат Фань расплылся в улыбке:

— Господин совершенно прав. Тогда этот чиновник поднимет эту чашу в честь господина!

После трех чаш атмосфера за столом стала более оживленной. По тому, что Тан Фань отказывался принимать все последующие тосты в свою честь, попросив не следовать этикету, присутствующие поняли, что кушанья интересуют его намного больше, чем вино, так что отставили в сторону чаши и принялись представлять Тан Фаню подаваемые на стол блюда.

— Господин только прибыл из Сучжоу, так что, должно быть, испробовал много деликатесов, – с улыбкой начал заместитель магистрата Сунь Юй. – Однако не думайте, что кухня Цзянси уступает кухне СуХан. Если говорить о еде, то мы можем предложить много того, чего нет у них. Вот, например, эту рыбу-вьюн в тофу. Сначала в течение четырнадцати-шестнадцати часов отваривают кости, снимают с огня и дают остыть. После чего в бульон кладут целый кусок тофу и живых вьюнов. Как только огонь разгорится, вьюны начнут изо всех сил впиваться в тофу. После чего блюдо будет готово: тофу и вьюны хорошо проварятся, два вкуса идеально переплетутся. Тофу получится мягким и ароматным, со вкусом свежего вьюна. Обедение.

Собеседник описывал блюдо с таким энтузиазмом, что Тан Фаню захотелось поощрить его. Ухватив кусочек тофу, он положил его к себе в тарелку. Наклонившись, попробовал, и одобительно кивнул:

— Действительно очень вкусно!

Сунь Юй не просто так представлял Тан Фаню блюда. Таким образом он надеялся произвести на того хорошее впечатление.

В столице у него было несколько друзей, сдавших в один год с ним императорский экзамен, с которыми он частенько переписывался. От одного из них Сунь Юй узнал, что в их Военном Министерстве есть один чиновник по фамилии Вэн, который прежде служил магистратом в каком-то захудалом округе. Поскольку он помогал Тан Фаню в расследовании одного дела, а также обладал выдающимися способностями и хорошей репутацией, его перевели в Военное Министерство на должность секретаря шестого ранга.

Не все Шесть Министерств столицы были прибыльными местами. Порой нажиться в них было сложнее, чем на провинциальной должности, но статус столичного чиновника был несравненно выше, чем у провинциального. Любой, кто хотел построить блестящую карьеру, надеялся попасть в одно из Шести Министерств. Разве обратил бы кто внимание на мелкого

окружного магистрата, если бы тот не пользовался благосклонностью Тан Фаня и не получил от него рекомендации?

Да, способности очень важны, однако признание и поддержка вышестоящих тоже играют огромную роль.

У Сунь Юя не было высокопоставленных родственников и хороших связей, но информирован он был неплохо. Узнав о способностях Тан Фаня, он бросил все свои силы на то, чтобы подлизаться к нему. Если приглянется Тан Фаню и тот пару раз ему поможет, будет просто прекрасно.

Чего он не знал, так это того, что господин Тан одержим едой, как настоящий гурман. Получив одобрение Тан Фаня, он решил, что выбрал верный путь к его сердцу, и с необыкновенным рвением принялся еще усерднее представлять ему блюда.

Однако молодой господин Шэнь вдруг перебил его:

— Скучно просто сидеть и болтать. Давайте найдем какое-нибудь развлечение, так и еда вкуснее станет!

Услышав это, магистрат Фань решил, что предложение неплохое и с улыбкой спросил:

— И какое же развлечение подойдет по мнению молодого господина Шэня?

— Почему бы не позвать девок? Пусть споют и сыграют, поднимут настроение?

Стоило ему сказать это, как уголки губ всех присутствующих мигом опустились.

Во времена той династии чиновников, что посещали проституток, навсегда лишали должности. Хотя певич и танцовщиц приглашать не возбранялось.

Проблема была в том, что императорский посланник прибыл сюда для расследования. Тебе поручено вести дело, а ты с певичками развлекаешься? Как можно?!

Шэнь Си, казалось, тоже понял, что сморозил лишнее, и тотчас рассмеялся:

— Я человек простой и не смогу предложить ничего достойного. Почему бы вам не придумать?

— Может, сыграем в двестишия***? Не получится как следует – пьешь. Как вам? – предложил магистрат Фань.

Торговец солью Сюй Бинь улыбнулся:

— Все присутствующие здесь, за исключением меня, необразованного и неопытного, мудрые ученые мужи. Если будем играть, каждый раз буду проигрывать, так что у меня идея: давайте возьмем счетную кость и сыграем в “Крути и пей”. Тот, на кого укажет кость, должен подобрать пару к первой строке каждого из участников. Если не справится хоть с одной – пьет чашу вина. Господа, что думаете?

“Крути и пей” на самом деле была обычной игрой на выпивку, а популярная в то время

“счетная кость” представляла собой не домино и не счетные палочки из слоновой кости, а вращающуюся на столе глиняную куклу-неваляшку****. Тот, на ком она останавливалась, должен был отвечать на вопросы, заданные другими игроками.

Все решили, что так действительно будет интереснее, и одобрительно закивали головами. Тан Фаню было все равно, поэтому начал игру магистрат Фань.

Он с силой крутанул расписную “счетную кость” и неваляшка закружилась на столе, все медленнее и медленнее, пока не остановилась на Лу Линси.

Лу Линси с застенчивой улыбкой почесал затылок:

— Я не силен в составлении двустиший. Могу я пропустить ход?

Во время застолья все были равны, к тому же Лу Линси был лишь человеком, сопровождавшим Тан Фаня, а не самим Тан Фанем, так что ответом ему было радостное: “Нет”.

Лу Линси сложил руки:

— Этот мальчик невежественен. Господа, прошу, будьте снисходительны!

Магистрат Фань начал:

— Зеленеет бамбук с началом морозов.

Это было несложно. Естественно, магистрат Фань не хотел ставить Лу Линси в неловкое положение. Услышав, что уровень того невысок, он быстро придумал самую простую фразу.

— Замерзает слива перед падением снега, – немного подумав, ответил Лу Линси.

Тан Фань прекрасно знал, что тот был тигром в шкуре свиньи. Он же был ученым, сдавшим окружной экзамен. Разве мог он не подобрать подходящую пару в двустишие? Не удержавшись, Тан Фань бросил на него испытующий взгляд, а затем произнес:

— Взгляд высоко – вид ничем не закрыт.

— Разум открыт – поток его будет чист, – улыбнулся Лу Линси.

Заместитель магистрата Сунь Юй и остальные игроки тоже не стали усложнять Лу Линси жизнь. Каждый предлагал ему простую первую строку, а Лу Линси успешно давал ответ, не осушив ни одной чаши.

Однако, когда очередь дошла до Сюй Биня, торговец солью с улыбкой спросил:

— Молодой господин Лу следует за господином Таном, так что, должно быть, многому у него научился и прочитал множество сборников поэзии. Поддаться – значит, проявить неуважение к молодому господину Лу. Молодой господин Лу так не думает?

— Купец Сюй меня переоценивает, – рассмеялся Лу Линси. – Но, хоть я и невежественен, господина Тана подвести не могу. Купец Сюй, прошу, задавайте свой вопрос.

— Кое-кто прежде загадал мне это предложение, но я так и не смог подобрать к нему пару. Теперь же, когда вокруг столько мудрых мужей, хочу спросить совета. Первая строка такова: “Водных вен величие; водоемы волнуются, волны вздымаются ввысь”.

Все присутствующие остолбенели.

На первый взгляд казалось, что предложение это простое, но на самом деле все его слова начинались одинаково*****, а значит, вторая строка должна была быть построена по похожему принципу.

Застолье и игры на выпивку призваны были развлекать и расслаблять, но Сюй Бинь задал такую задачу молодому и безызвестному Лу Линси, явно желая смутить того.

Глаза Тан Фаня едва заметно вспыхнули. Не удержавшись, он бросил на Сюй Биня взгляд – тот сидел как ни в чем не бывало, с улыбкой взирая на Лу Линси в ожидании ответа.

Остальных это предложение тоже весьма озадачило, и теперь они сосредоточенно размышляли над парой к нему.

Магистрат Фань мысленно упрекнул Сюй Биня, подумав, что, если у Лу Линси не получится ответить, это может подорвать авторитет Тан Фаня. Как говорится, бьешь собаку – будь внимателен с ее хозяином. Если Тан Фань рассердится, кому достанется, если не ему, магистрату?

Однако Тан Фань, кажется, о Лу Линси совсем не беспокоился. И правда, стоило ему отхлебнуть супа, как тот продекламировал:

— Горящая гостя горизонта; гром грохочет, гроза горюет горько*****. Купец Сюй, как думаешь, годится?

— Отлично! – улыбнулся Сюй Бинь. – Как и ожидалось, молодой господин Лу действительно талантлив! Похоже, меня ждет наказание!

Сказав это, он поднял чашу и трижды осушил ее, сгладив ситуацию.

Остальные были только рады такому повороту событий.

Когда настал черед молодого господина Шэня загадывать первую строку, он напряг все извилины, усиленно стараясь что-то придумать. Страдания настигли не ответчика, а вопрошающего.

Шэнь Си долго размышлял, нахмутив брови, и наконец произнес:

— Ну, что же... Что же... Есть! Пища горяча, блюда ароматны, весна заполнила подворье!

Все: “...”

Лу Линси подавил улыбку:

— Окна светлы, столы убраны, гостей явилась туча.

Шэнь Си вздохнул с облегчением: он и сам знал, что знаниями не блещет, – и улыбнулся:

— Молодой господин Лу великолепен!

— Двустиише молодого господина Шэня как раз под стать сегодняшнему случаю, – улыбаясь, отозвался Лу Линси. – Просто и без излишеств. С тобой так приятно общаться!

Обрадованный и приободренный, Шэнь Си проникся к Лу Линси симпатией. Так вышло, что сидели они рядом и были одного возраста, так что вскоре разговорились.

После этого неваляшку крутили еще два раза. Выпадал черед магистрата Фаня и Фан Хуэйсюэ. Как и ожидалось, магистрат Фань, попавший в свое время во второй список сдавших императорский экзамен, справился с двустиишами на ура, а торговец Фан Хуэйсюэ не сильно ото всех отстал и выпил лишь один раз. Хотя он и был торговцем, кисть, видно, в руках все-таки держал.

Тан Фань как раз сидел подле него. Заметив его превосходные манеры и отсутствие озабоченности деньгами, он невольно проникся к нему симпатией и даже первым завязал разговор. Фан Хуэйсюэ был очень польщен. Ведущий дела во всех южных провинциях, он был дальновиднее и смелее прочих торговцев и оказался в состоянии поддержать серьезный разговор с Тан Фанем.

Так вышло, что оба были чрезвычайно озабочены источниками средств для существования народа. Тан Фань был чиновником и его интерес был понятен. Необычно было то, что торговец Фан Хуэйсюэ тоже прекрасно разбирался в этой теме. Кроме того, по речи его было ясно, что прибыль, в отличие от других торговцев, для него не самое главное. Напротив, он выказывал огромное почтение к праведному торговцу периода Весен и Осеней Сянь Гао.

Узнав, что Тан Фань только что прибыл из Сучжоу, он спросил:

— Господин, этот ничтожный слышал, что в Уцзяни случился голод, унесший жизни бесчисленного множества людей. Как теперь там обстоят дела?

— В этом году стало лучше, но если беженцы захотят вернуться домой, боюсь, им придется начать налаживать быт с самого начала.

— Дай человеку рыбу, и он будет сыт один день. Научи его ловить рыбу, и он будет сыт до конца жизни. Если господин не возражает, этот простолюдин готов профинансировать восстановление домов пострадавших и дать им денег, чтобы они смогли достать ресурсы для самостоятельного заработка на жизнь.

— Ты готов помочь бесплатно? – удивился Тан Фань.

— Конечно, нет, – улыбнулся Фан Хуэйсюэ. – Если бы ответил: “Да”, – боюсь, господин бы мне не поверил. Потерпевшие – жители побережья озера Тайху, что испокон веков занимались рыболовством и сельским хозяйством. Навыки они не растеряли, но вот дома их разрушены, а денег на то, чтобы вернуться к работе, нет. Я могу помочь им купить лодки и арендовать новые поля. Если погода в течение трех лет будет благоприятной, они вернут мне эти деньги с процентами, а все купленное станет их собственностью.

Так Фан Хуэйсюэ денег бы не заработал, а может, еще и убыток бы потерпел.

— Сучжоу больше не моя зона ответственности, – улыбнулся Тан Фань, – но я могу передать твои слова. Однако в таком случае ты потеряешь деньги. Об этом ты подумал?

— Богатство без добродетели карается Небесами и порицается Землей, – беззаботно улыбнулся Фан Хуэйсюэ. – С Небес видно, кто, что и сколько делает, в свое время каждый получит по заслугам. Кроме того, это только кажется, что я потеряю деньги. На деле, об этом простолюдине разнесется добрая молва. Все будут знать, что ткацкое предприятие Фанов честное и надежное – и дело мое пойдет в гору. Вот почему следует думать наперед. За эти годы этот простолюдин заработал на торговле немало денег. Если бы не понимал принципа “Получая, отдавай”, в один прекрасный день навлек бы несчастья на свою голову. Этот простолюдин мечтает быть как Тао Чжугун (Фань Ли, советник периода Весен и Осеней, вел свое дело), а не Шэнь Ваньсянь (торговец времен конца династии Юань, начала династии Мин, прозванный самым богатым человеком Цзяннани)!

Тан Фаня восхитило его легкое отношение к деньгам:

— Благое дело! Если бы все торговцы Поднебесной были такими же, как брат Фан, Двор вздохнул бы спокойно, а народ был бы счастлив!

— В таком случае разве мудрейший господин Пэн и Вы, господин, обратили бы внимание на этого простолюдина?

Встретившись взглядами, они рассмеялись.

Пока они болтали, неваляшка снова завертелась, а затем замерла на Тан Фане.

— Кажется, пришел мой черед краснеть, – улыбнулся Тан Фань. – Магистрат Фан, прошу, начинай.

Непросто дать императорскому посланнику задачку. Слишком легкая не будет соответствовать его уровню. Выглядеть будет так, будто его совсем ни во что не ставят. Дашь слишком сложную – и, если императорский посланник не справится, у незадачливого вопрошающего могут возникнуть проблемы.

Тан Фань прославился раскрытием преступлений, а вот о его литературных талантах присутствующие знали мало.

Такие люди, как магистрат Фан и Цзи Минь, должно быть, слышали историю о том, как тот чуть не занял первое место на императорском экзамене, но был понижен до первого места во втором ранге. Однако после того как Тан Фань стал чиновником, в научных кругах не было слышно ни об одном его сборнике эссе или поэзии. Именно поэтому магистрат Фан и не осмеливался рисковать. Хорошенько поразмыслив, он наконец придумал одну не простую и не сложную строчку, а после того как Тан Фань успешно подобрал к ней пару, мысленно вздохнул с облегчением.

Настал черед Цзи Миня. Улыбнувшись, он сказал:

— Не смог придумать ничего подходящего, поэтому просто возьму за основу картину с белкой

на персиковой ветке, что висит на стене: “Из-за ветки белка цветущими персиком и сливой любитесь”.

Сложностей с этой строкой не могло возникнуть. Тан Фань, не задумываясь, ответил:

— На колодце обезьяна мудрая солнца и луны жаждет.

Цветы персика и сливы растут на ветках, а солнце и луна могут отражаться в колодезной воде. Двустиишие у Тан Фаня получилось весьма остроумным, и все присутствующие его оценили.

Остальные участники также представили по очереди двустиишья, и ни одному не удалось смутить Тан Фаня. Наконец настал черед Сюй Биня:

— Если этот простолюдин верно помнит, господин Тан занял первое место во втором ранге на императорских экзаменах. Простые рядовые двустиишья – оскорбление таланта господина. Этот простолюдин знает одно. Прошу господина просветить меня.

Если раньше это было не очевидно, то теперь Тан Фань был уверен: торговец солью определенно имел что-то против него.

Однако знаком он с Сюй Бинем не был и прежде никогда о нем не слышал. Так почему тот продолжает снова и снова цепляться к нему?

Тан Фань улыбнулся легкой улыбкой:

— Спрашивай, конечно.

Усмехнувшись про себя, Сюй Бинь откашлялся:

— Старцем с белоснежной головой через Чаншань ведомый бык запнулся о мыльный камень – сломалось бычье колено.

В этом предложении были спрятаны несколько лекарственных названий: “белоснежная голова” (□□, подснежник), “Чаншань” (□□, голубая вечнозеленая гортензия), “ведомый бык” (□□, ипомея нил), “мыльный камень” (□□, тальк) и “бычье колено” (□□, Соломоцвет двузубый).

Он считал эту задачку очень сложной и даже представить не мог, что спустя лишь мгновение Тан Фань ответит:

— Женщиной с желтым волосом на черноземе сожженная трава лишилась ветровой защиты – стала черной трава.

Здесь также содержалось пять лекарственных названий: “желтый волос” (□□, ямс клубненосный), “чернозем” (□□, корень ремании), “сожженная трава” (□□, солодка), “ветровая защита” (□□, сапожниковия растопыренная) и “черная трава” (□□, клубень аконита).

Сюй Бинь не желал мириться с поражением и тотчас усложнил задачу:

— Белоголовый старец с большой алебардой на морском коньке, сотню раз сражавшийся с лесными разбойниками и горными бандитами, делает разворот ко Двору достойно генерала

армии и старейшины.

“Генерал армии” (□□) и “старейшина” (□□) были альтернативными названиями ревения и солодки, остальные же: “большая алебарда” (□□, молочай), “морской конек” (так и есть, сушеный морской конек, я не знаю, почему МСШ его к травам отнесла. Возможно, и есть такая трава, но я ее не нашла), “лесной разбойник” (□□, хвощ зимующий), “горный бандит” (□□, альпиния церумбет) и “разворот” (□□, девясил), – названиями лекарственных трав.

Почувствовав, что запахло порохом, все невольно затаили дыхание, опасаясь, что Тан Фань не справится и попадет в неловкое положение.

Магистрат Фань помрачнел. Покровитель Сюй Биня был не простым человеком, а потому обижать его не хотелось. Кто ж знал, что тот станет упорно провоцировать Тан Фаня?

— Красна девица с золотой шпилькой в серебряном шелке, в пять раз лучше киноварных мутанов и белых пионов, покидает со спокойствием будуар подобно матери облаков и небожительнице, – с легкой улыбкой дал ответ Тан Фань.

— Замечательно! Просто замечательно! – воскликнул магистрат Фань.

Остальные, придя в себя, разразились аплодисментами.

Что уж говорить, двустишие вышло действительно замечательным. Особенно заключительное: “подобно матери облаков и небожительнице”.

“Мать облаков” (□□, слюда) могла использоваться в качестве лекарства, а под “небожительницей” (□□) подразумевалась волшебная гималайская трава (мискантус непальский). Замечательно в них было то, что они также, как и “генерал армии” со “старейшиной” могли указывать на людей*****.

Не успел Сюй Бинь открыть рот, как Тан Фань, изогнув бровь, спросил:

— Сказано было, один человек – одно двустишие. Купец Сюй нарушил правила. Разве он не должен быть наказан?

— Верно-верно! – подхватил магистрат Фань. – Наказание! Наказание!

Сюй Бинь был очень недоволен. Он-то думал, что поставит Тан Фаня в неловкое положение и опозорит перед всеми. Кто ж знал, что все выйдет с точностью до наоборот?

Он поднял чашу и, выдавив из себя улыбку, молвил:

— Играешь – будь готов признать поражение. Я приму наказание!

После чего осушил три чаши подряд.

В этот самый момент Шэнь Си принялся громко жаловаться:

— Все здесь весьма образованы и мудры, я чувствую себя полным неучем. Двустишия слишком

скучные, давайте лучше сыграем в “Угадай иероглиф”!

— Идея неплохая, – поддержал его Лу Линси. – Только давайте без “Крути и пей”. Один загадывает загадку, а побеждает тот, кто первым даст правильный ответ. Господа, что скажете?

— Тогда так и поступим, – улыбнулся Тан Фань.

— Мы все здесь уважаем господина Тана, – поспешил добавить магистрат Фань, – так что пусть господин Тан первым и начнет!

— Только что магистрат Цзи предлагал мне строку: “Из-за ветки белка цветущими персиком и сливой любит” (□□□□□□), я не буду далеко ходить и использую в качестве загадки слова: “Из-за ветки белка” (□□□□).

Пока все раздумывали, Цзи Минь рассмеялся:

— Ответ скрыт в самой загадке. Этот скромный чиновник прав?

Стоило ему сказать это, как все поняли, что ключ “дерево” (□) встречается в двух иероглифах этой фразы, тогда как иероглиф “крыса” (□) из “белки” (□□) может обозначать также и час “цзы” (□, 23:00-1:00, известный также как час крысы). Дерево (□) да “цзы” (□) вместе как раз дают сливу (□).

— Цзымин действительно настоящий талант! – улыбнулся Тан Фань.

— Господин мне льстит.

Лу Линси, на самом деле, разгадал загадку самостоятельно, однако ответ дать не успел, опоздав лишь на пару мгновений. И теперь, видя как эти двое переглядываются и улыбаются друг другу одним лишь им понятными улыбками так, будто знают друг друга сто лет, вдруг ощутил тяжесть в сердце.

Послесловие автора:

В этой главе было много предыстории и подсказок. Это не просто банкет, но всего я пока не могу рассказать. Можете начинать угадывать~

Автор: Под прошлой главой все писали, что Тан Фань увидел своего зятя. Что думаешь по этому поводу?

Цзи Минь: Потребовалось больше ста глав, чтобы я снова появился. Темная лошадка все помнит. Разве это не твоя вина?

Автор: Тогда представься.

* - Цзи Минь: Хорошо, этого скромного зовут Цзи Минь, имя в быту – Цзымин. Был хорошим другом Тан Фаня до развития основной сюжетной линии. Уже появлялся в 6 главе. Автор тогда

говорила, что я сыграю свою роль в будущем. Не ожидал, что ждать придется несколько лет. Вы все можете вернуться в начало и вспомнить, как своеобразно я себя вел, хе-хе-хе.

Мини-театр:

Лу Линси: Командующий Ван, как же так?

Ван Чжи: Что не так?

Лу Линси: Ты совершенно точно говорил, что мне предстоит противостоять лишь одному Суй Чжоу. Так откуда выплыл этот Цзи? Что за встреча после долгой разлуки? Что еще за переглядывания и улыбки?

Ван Чжи: А я тут при чем? Откуда мне было знать, что этот Тан такой ветренный и любвеобильный?

Тан Фань: ... У нас чистая мужская дружба, ясно?!

Суй Чжоу: *звуки разбитого сердца*

Примечания переводчика:

** - шапка Тан (см. картинку ниже). Во времена династии Тан носилась чиновниками, а во времена династии Мин учеными или около того. Повседневный головной убор, можно сказать. На артах к новелле, даже на официальных, ТФ частенько ошибочно такую рисуют к костюму чиновника, но чиновники в династию Мин носили шапки не такие, а как в дораме.

*** - Суть игры в двустишия: один загадывает строку, а второй должен подобрать к ней пару, подходящую по смыслу. При этом количество иероглифов и структура предложения должны совпадать (где существительное – там существительное, где глагол – там глагол). Возможны еще дополнительные условия-закономерности, которые второму игроку нужно заметить и выяснить самостоятельно. Я старалась перевести так, чтобы передать это, но порой встречаются предлоги, которых нет в 1 предложении. Не всегда получалось от них избавиться.

Все двустишия, задействованные в главе, есть на просторах инета и в те времена тоже были относительно известны в кругах литераторов. Примерно как детские задачки на логику. Знаешь двустишие – вспомнишь и пару, не знаешь – самому придется выдумывать. Каждое двустишие метафорично, я мельком поглядывала в толкование, когда переводила, но на то, чтобы досконально сидеть разбираться и тут все объяснять, у меня уже не хватило никаких сил.

**** - Счетная кость или неваляшка для игры в “Крути и пей” (я нашла только такую картинку. Вполне возможно, что они бывают разные. Эта не очень похожа на неваляшку):

***** - Первая строка, загаданная Сюй Бинем Лу Линси: □□□□□□□□□□ – все иероглифы содержат одинаковый ключ “вода” – “氵”, в переводе постаралась отразить это, сделав каждое слово на букву “В” .

***** - Ответ Лу Линси: □□□□□□□□□□ – все иероглифы имеют ключ дождь: “雨”, я постаралась подобрать на русском так, чтобы передать приблизительный смысл и чтобы все слова начинались на “Г” .

***** - Прочие лекарства, сокрытые во втором ответе Тан Фаня:

- “Красна девица” - 芍药 - цикада Пятнистая фонарница, тоже используется в лекарственных целях;
- “Золотая шпилька” - 金盏 - одуванчик;
- “Серебряный шелк” - 银丝 - жимолость;
- “Киноварный мутан” - 牡丹 - древовидный пион;
- “Белый пион” - 白牡丹 - молочкоцветковый пион;
- “Спокойствие” - 安宁, а цистанхе пустынное - 安宁. Разные тона, разные ключи: в цистанхе просто трава сверху прибавляется к каждому иероглифу, но звучат и выглядят похоже.

Краткое описание новых персонажей, кто есть кто, потому что я сама путалась, пока переводила:

- Цзи Минь, Цзи Цзымин или просто Цзымин, окружной магистрат Цзи - магистрат округа Лулин, старый друг ТФ, который упоминался в 6 главе (в ней я намудрила с его именем, как будет время, исправлю).
- Шэнь Куньсю, сюэтай Шэнь - инспектор образования провинции Цзянси 3 ранга, главный экзаменатор, который обвинил 16 ученых в жульничестве.
- Шэнь Си, молодой господин Шэнь - необразованный сын Шэнь Куньсю.
- Линь Фэнъюнь - главный судья префектуры Цзиань, сын человека, который, по сплетням, когда-то дисквалифицировал Шэнь Куньсю с официального этапа экзамена.
- Линь Чжэнь - сын Линь Фэнъюня, один из 16 дисквалифицированных ученых, который повесился.
- Фань Юэчжэн, магистрат Фань, - магистрат префектуры Цзиань. Из присутствующих на пиру, помимо ТФ, самый высокопоставленный.
- Сунь Юй - заместитель магистрата префектуры Цзиань. Подлизывается к ТФ.
- Фан Хуэйсюэ, купец Фан - торговец тканями, прозванный Великий Благодетель Фан, тесть главного посланника провинции Цзянси.
- Сюй Бинь, купец Сюй - торговец солью. Имеет покровителя в лице чиновника Нанкина. Почему-то цепляется к ТФ.

Эти загадки меня убили просто. Очень сложно и долго было разбираться и подбирать подходящий перевод. На моменте, когда Сюй Бинь подкинул ТФ еще одну гигантскую загадку, я больше, чем любой из героев или читателей, возненавидела этого персонажа. У меня там обнова в Клубе Романтики вышла, а я сижу третий день над загадками, которые никак заканчиваться не хотят ;D

Нарекаю эту главу самой сложной во всем романе. Надеюсь, они больше не будут играть в такие игры.

“После чего в бульон кладут целый кусок тофу и живых вьюнов. Как только огонь разгорится, вьюны начнут изо всех сил впиваться в тофу”, – мне стало плохо, пока переводила. М-м-м-м, рыбка мучается и впивается в тофу – вкусняшка))) Те, кто готовят животных живьем – конченные садисты.

Тан Фань: Ура! Мы будем лучшими друзьями и братьями!

Суй Чжоу: *кладет ручку на бедро*

Тан Фань: Ты мой новый друг и младший братец!

Лу Линси: *кладет ручку на поясницу*

Тан Фань: Ты мой старый дорогой друг!

Цзи Минь: *любясь прекрасным лицом ТФ в свете свечи* Хе-хе-хе

ТФ, который не хочет никаких отношений, сексов и просто мечтал завести близкого друга: □□□

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2935287>